

комунікативної компетенції, зануреності у предметний зміст навчання, предметності та інтегрованості навчання чотирьох видів мовленнєвої діяльності, автономії творчої навчальної діяльності, творчої співпраці [3]. Крім того, саме презентації дозволяють органічно інтегрувати знання студентів магістратури із різних галузей при рішенні певної проблеми, генерувати нові ідеї, розвивати здатності критично сприймати інформацію, апелювати до власного досвіду й самостійно мислити, аргументувати власну думку і вести дискусію.

Отже, використання презентації як активного методу навчання у викладанні іноземних мов студентам магістратури є необхідною умовою формування висококваліфікованих фахівців, професіоналів, готових до участі у міжнародному співробітництві, здатних на генерування нових ідей та їх ефективного представлення в публічних презентаціях.

Джерела та література:

1. Churchman E. C. Developing a public speaking course for non-native speakers of English: problems and approaches / E. C. Churchman. – Bowling Green, OH : Bowling Green State University; Department of Interpersonal and Public Communication, 1986. – 17 p.
2. King J. Preparing EFL learners for oral presentations : [Електронний ресурс] / J. King // The Internet TESL Journal. – 2002. – Vol. 8, № 3. – Режим доступу : <http://iteslj.org/Lessons/King-PublicSpeaking.html>
3. Авсюкевич Ю. С. Методика навчання презентації англійською мовою студентів економічних спеціальностей : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ю. С. Авсюкевич; Київ. нац. лінгв. ун-т. – К., 2009. – 24 с.
4. Драб Н. Л. Навчання майбутніх економістів іншомовного професійно спрямованого монологічного мовлення (монологу-презентації німецькою мовою) : дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.02 : «Теорія і методика навчання: германські мови» / Н. Л. Драб. – К., 2005. – 316 с.
5. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання / наук. ред. укр. вид. С. Ю. Ніколаєва. – К. : Ленвіт, 2003. – 273 с.
6. Наука і освіта в умовах інформаційного суспільства: історія та сучасність [Електронний ресурс] : тематичний бібліогр. покажч. / уклад. : Д. В. Ткаченко, І. А. Фісенко. – Миколаїв : МДАУ, 2009. – 80 с. – Режим доступу : http://lib.mdau.mk.ua/info5/index__education_2009.pdf
7. Тарнопольський О. Б. Successful Presentations = Успішні презентації : посіб. для навч. ділових презентацій англ. мовою студ. екон. спец. / О. Б. Тарнопольський, Ю. С. Авсюкевич. – К. : Ленвіт, 2007. – 135 с.

Фокина С.А.

УДК 821.161.1-1 Цветаева“19”

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПУШКИНСКИХ ГЕРОЕВ В ПЕРСОНОСФЕРЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Актуальность поставленной проблемы характеризуется вниманием современного литературоведения как к аксиологическим доминантам художественного мира художника, так и осмыслением своеобразия его персониферы и образов входящих в нее.

В соответствии с заявленной проблемой намечены такие **задачи**:

- Выявить аксиологические основы лирической и мировоззренческой системы М. Цветаевой.
- Проанализировать становление цветаевской персониферы в аспекте ценностных установок поэтессы.
- Проследить, как аксиологическая парадигма М. Цветаевой влияет на выбор героев, входящих в авторскую персониферу.

В цветаеведении неоднократно поднимался вопрос о важности для становления лирической системы поэтессы пушкинского мифа. Цветаеведы, изучая мифопоэтику, интертекст и аксиологические установки творчества М. Цветаевой (Р. Войтехович [2], О. Клинг [3], М. Мейкин [5], И. Шевеленко [11] и др.) предлагают различный инструментарий, помогающий исследовать поэтический мир в контексте выявления пушкинских влияний и рецепций. Однако исследовательский интерес к аксиологическому статусу пушкинских героев в персонифере М. Цветаевой носит весьма фрагментарный характер и нуждается в значительно более пристальном научном осмыслении.

Цель данной статьи – поливалентный анализ аксиологического статуса пушкинских героев в структуре авторской персониферы М. Цветаевой.

Важный в культуре Серебряного века «принцип построения картины мира вокруг оси индивидуальности поэта» [7, с. 5] обуславливает особенности авторской персониферы М. Цветаевой как сферы «персоналий, образов, сферу литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [9]. Достаточно вспомнить высказывание Е. Фарыно, что мифологизация персониферы способствует возможности: «раскрыть себе свою суть, свой генезис, строить себя и свою «жизнь» (*пусть всего лишь стихотворную*)» [8]. Значимость образов, входящих в цветаевскую персониферу, определяют их аксиологический статус в ценностной системе поэтессы. Механизмы рефлексии, идентификации, проекции и остранения позволяют моделировать определенную стратегию поведения героя в создаваемом поэтическом мире в контексте ценностных доминант. Формирование персониферы дает М. Цветаевой

возможность самопознания путем становления собственного мифа в соответствии с аксиологическими установками поэтессы.

Рецепции и интерпретации творческого наследия А. С. Пушкина во многом определяют образный и аксиологический строй поэтического мира М. Цветаевой. Поэтесса часто обращается как к осмыслению феномена личности А. С. Пушкина, так и к пушкинским темам и героям – достаточно вспомнить циклы «Дон-Жуан», «Стенька Разин», «Андрей Шенье», «Марина» и др.

В цикле «Дон-Жуан» М. Цветаева дает свою интерпретацию личности Дон Жуана, переосмысливая характерные черты и мотивы культурной мифологии. Выбор этого героя, включение его в свою персонифицированную и наделение его определенным аксиологическим статусом открывает новые стороны в авторском мифе поэтессы. М. Цветаева следует пушкинской традиции в изображении Дон Жуана поэтом.

В цикле М. Цветаевой место встречи лирической героини с Дон-Жуаном – Россия. Первое стихотворение цикла «На заре морозной...» строится на противопоставлении личности Дон-Жуана родине лирической героини, что имплицитно вводит мотив странничества. Признаками родины становятся холод («И замерз колодезь»), православность («А у богородиц – / Строгие глаза») и колокольный звон, в поэтике М. Цветаевой символизирующий благословенность (Ср. «Стихи о Москве»). Главное условие встречи героев – необходимость угадывания нового воплощения Дон Жуана («Ах, в дохе медвежьей / И узнать вас трудно, / Если бы не губы / Ваши, Дон-Жуан»).

А. С. Пушкин одним из первых наделил Дон Жуана поэтическим даром. Следуя пушкинской традиции М. Цветаева в своем лирическом цикле соотносит Дон-Жуана с поэтическим гением (Ср. «на пирах молодой поэзии – Жуана» [10, т. 4/1, 17]), пробуждающем в лирической героине крылатость и поэтический дар:

И узнаю, раскрывая крылья –
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье –
Твой старший брат.

Возникает идея замены эротического обольщения духовным: соблазном творчества. Одиночество Дон-Жуана, изображенное в последнем стихотворении, – это одиночество поэта, одна из излюбленных тем М. Цветаевой.

Особое место в цветаевском мифе занимает цикл «Андрей Шенье» (1918), вводящий в авторскую персонифицированную образ гильотинированного поэта. Миф о поэте был доминантой идеологией в системе эстетических представлений Серебряного века и, прежде всего, соотносился с двумя персоналиями – Пушкиным и Орфеем. Это неудивительно, ведь А. С. Пушкин дал «эстетическую форму русской «всечеловечности», <...> «русскую меру красоты» [4, с. 197] и «начиная с 1840-х гг. каждое значительное явление русской культуры создавало “своего Пушкина”» [6, с. 146]. Обращение же к образу Орфея и переосмысление мифа о нем присуще не только русскому, но и европейскому модернизму.

История Орфея вписывалась в контекст характерных для Серебряного века представлений об особом статусе поэта: магических возможностях поэтического дара (умение Орфея заволашевать), медиальных способностях (после смерти Орфей стал оракулом), страданиями (разлука с Эвридикой), связи с Иномирьем (путешествие в Царство теней) и мученической смерти (Орфея растерзали Вакханки).

М. Цветаева наиболее обострено ощутила возможность взгляда на А. С. Пушкина как символа русской поэзии в ракурсе мифа об Орфее. Характерна следующая запись поэтессы: «Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т. е. *убийство*, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно-ежедневно-длящаяся. Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку умирает теперь (вечно!). *В каждом любящем заново, и в каждом любящем – вечно*» [10, т. 5/1, с. 302]. Не менее важно то, что М. Цветаева наделяет признаком подобной незабвенности триаду Пушкин – Шенье – Орфей: «Плохо же тогда дело обстоит с Пушкиным (94 года назад (С. Ф. – умер), не лучше с Шенье (133 года назад), совсем безнадежно с Орфеем (?)» [10, т. 7/1, с. 59].

Репрезентацией размышлений М. Цветаевой о сущности поэта вообще и своей в частности, а также о нравственной позиции в переломное время становится цикл «Андрей Шенье». История жизни и казни Андре Шенье соотносится поэтессой с историей Белого движения и своей судьбой. Такое сближение способствует отождествлению времени Андре Шенье с эпохой, современной М. Цветаевой. Кроме того, образ поэта, не отказавшегося от своих убеждений и казненного за это, не мог оставить М. Цветаеву равнодушной.

Обращаясь к судьбе А. Шенье, поэтесса следует за А. С. Пушкиным, для которого также была важна аналогия времени и судьбы французского поэта со своим временем и судьбой, что нашло отражение в элегии 1825 года «Андрей Шенье». По утверждению Е. Эткинда «на темы, связанные с Французской революцией, Пушкин размышлял всю жизнь: она была главным историческим событием эпохи, определившим характер наступившего века» [12, с. 440]. В 1825 году А. С. Пушкин написал элегию «Андрей Шенье», изобразив Андре Шенье не отрекшимся от своих идеалов и предназначения быть поэтом даже накануне казни.

Пушкинская традиция сказывается уже в написании названия цветаевского цикла «Андрей Шенье». Но русификация имени Шенье, видимо, имеет и другое значение. Имя Андрей в первом стихотворении цикла вызывает ассоциацию с образом Андрея Первозванного, апокрифического покровителя и защитника Руси.

Имплицитная связь образа Шенье с Андреем Первозванным может быть задана и перекличками в судьбе поэта и апостола. Андре Шенье родился в Константинополе, где по преданию Андрей Первозванный был апостолом и посвятил первого епископа; Шенье был гильотинирован, апостол Андрей распят.

При этом следует учесть, что для М. Цветаевой актуальны идеи имяславия. Русификация подчеркивает семантику имени французского поэта, означающего «мужественный». Здесь уместно вспомнить положение Г. Башляра о том, что «образы объясняются не своими объективными ЧЕРТАМИ, а своим субъективным смыслом» [1, с. 141]. Так модальность образа Андрея Шенье определяется тем, что он сам становится символом мужественности и отваги.

Второе стихотворение цикла строится как монолог Шенье перед казнью. Мотив ожидаемой казни вводит тему обезглавленного поэта. Можно предположить, что для М. Цветаевой эта тема особенно важна и позволяет расширить семантическую парадигму образа Андрея Шенье. Казнь уравнивает Шенье с Орфеем, образ которого концептуален в творчестве М. Цветаевой и это обстоятельство на равнее с русификацией образа французского поэта позволяет формировать его аксиологический статус.

В 1921 году М. Цветаевой был написан цикл «Марина», состоящий из четырех стихотворений. В этом цикле поэтесса художественно интерпретирует определенные факты жизненного пути и стороны психотипа Марины Мнишек.

В автобиографической прозе поэтесса отмечает: «Есть у меня <...> книга о моей соименице, а отчасти и соплеменнице Марине, в честь которой меня и назвала мать» [10, т. 5/1, с. 136]. Делая акцент на выборе имени матерью, соотносшей личность и судьбу дочери с польской героиней русской истории и литературы, М. Цветаева подчеркивает особую роль и место Марины Мнишек в автомифологии и своей персонификации.

Для создания авторского мифа не менее важна идея наследования по материнской линии польского происхождения («Моих прабабушек полячек / Сказалась кровь»). Этот аспект мифа поэтесса реализует в творчестве в мотивах роковых черт и раздвоенности характера, т. е. сопричастности смуте («–Бабушка! Этот жестокий мятеж / В сердце моем – не от Вас ли?..»). Такой подход задает дополнительные ассоциативные комплексы, связывающие в ряде случаев лирическое «я» с образом исторической героини.

Еще до создания цикла «Марина» М. Цветаева написала несколько стихотворений, заложивших основу формирования мифа о Марине Мнишек: «Дмитрий! Марина! В мире...» (1916), «Кабы нас с тобой да судьба свела...» (1916). Имплицитно в сознании поэтессы само имя Марина соотносится с предначертанием судьбы и определением ролевого поведения лирического «я» (Ср. «Ты нынче зовешься Мариной, – разлука»).

Согласно Е. Фарыно, в творчестве М. Цветаевой следствием мифологизации персонификации становятся «цветаевские отождествления своего «Я» с историческими, литературными или фольклорными Маринами/Маринками» [8]. В подтексте образ Марины Мнишек соотносится и с личностью поэтессы, и с колдуньей Маринкой, фигурирующей в бытине киевского цикла «Добрыня и Маринка», образ которой будет выведен М. Цветаевой в поэме «Переулочки». «Соименица» выступает для лирического «я» возвращением к своей прасущности, мифологическим припоминанием. Именно имя Марина соотносит два мира, связывая неомифологему Марины Мнишек с авторским мифом М. Цветаевой.

В начале первого стихотворения цикла «Марина» представлена готовность лирической героини к самопожертвованию:

Распахнула платок нагрудный.
– Руки настезь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

Во втором стихотворении цикла образ Марины, представленный Лжемариной, противопоставлен лирическому «я» первого стихотворения:

– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!

Предательство Марины раскрывается как перечисление того, что героиня не сделала («не родившая сына», «не махнувшая следом», «не покрывшая телом», «не отершая пота»), противореча этим поведению, предписанному цветаевским мифом. Субъект высказывания, как и прежде, стремится к идентификации с Мариной Мнишек, но отрывается от совершенного ею предательства.

В третьем стихотворении цикла Марина соответствует цветаевскому мифу и оказывается достойна «своей сказочной судьбы» [10; т. 4/2, с. 181].

Краткая встряска костей о плиты.
– Гришка! – Дмитрий!
Цареубийцы! Псекровь холопья!
И – повторенным прыжком –
На копы!

Прыжок Марины вслед за возлюбленным осмысливается как высшее проявление преданности. Прыжок – реализация скрытой сущности Марины, сочетает в себе возможность умереть за возлюбленного и идею Вознесения (Ср. цикл «Разлука»).

Последнее стихотворение цикла «Марина» воссоздает ситуацию знакомства и обручения Лжедмитрия и Марины, возвращаясь в преддверие событий, описанных в предыдущих частях цикла. Марина вновь представлена своим негативным и исторически верным вариантом. Именно в этом стихотворении М. Цветаева скрыто обращается к тексту пушкинского «Бориса Годунова», следуя замыслу А. С. Пушкина в понимании сущности Марины Мнишек, но в то же время переосмысливает пушкинскую трактовку. Цветаевское стихотворение тоже строится как диалог Лжедмитрия и Марины. Действия героев наделяются некоторой театрализованностью: маркируются их жесты, позы, в отличие от воспроизведения потока

сознания лирического «я» в первом и третьем стихотворениях. Фиксация куртуазного поведения Марины и самозванца подчеркивает отдаленность автора от героини. С другой стороны – позволяет героям скрывать за выбранными масками свою сущность, выявляемую через подтекст. Всячески подчеркивается неискренность Марины. Она предстает гибельной для героя:

– Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: – Жизнью!

В цветаевской интерпретации предназначение Марины Мнишек, определяющее амбивалентность аксиологического статуса героини – нести смуту или пожертвовать собой.

М. Цветаева, обращаясь к героям А. С. Пушкина, не только включает их в контекст авторского мифа и наделяет определенным аксиологическим статусом. Кроме того поэтесса принципиально русифицирует пушкинские образы, вошедшие в ее персонифицированную сферу, прибегая для этого к использованию различных апокрифических текстов, былин и мифологии русской культуры. Так в цветаевской интерпретации Дон-Жуан, Андре Шенье, Марина Мнишек сознательно идентифицируются с русской ментальностью.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане осмысления аксиологического статуса героев и персоналий, соотносимых с различными культурными и интотекстуальными пластами, в структуре персонифицированной М. Цветаевой.

Источники и литература:

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения / Г. Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – 344 с.
2. Войтехович Р. С. Марина Цветаева и античность / Р. С. Войтехович. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
3. Клинг О. А. Поэтический мир Марины Цветаевой : в помощь преподав., старшекл. и абитуриентам / О. А. Клинг. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 112 с.
4. Лебеденко Н. П. Пушкин и русский символизм / Н. П. Лебеденко. – Одесса : Маяк, 1998. – 204 с.
5. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения / М. Мейкин. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 312 с.
6. Минц З. Г. У истоков «символистского Пушкина» / З. Г. Минц // Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 146-149.
7. Пахарева Т. А. Художня система Анни Ахматової : навч. посіб. із спецкурсу / Т. А. Пахарева. – К. : ІСДО, 1994. – 140 с.
8. Фарыно Ежи. Два слова о Цветаевой и авангарде : [Электронный ресурс] / Ежи Фарыно. – Режим доступа : <http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm>
9. Хазагерев Г. Персонифицированная русская культура : [Электронный ресурс] / Г. Хазагерев. – Режим доступа : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=12&level1=main&level2=articles>
10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
11. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой : Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи / И. Шевеленко. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.
12. Эткин Е. Г. Свобода и закон (Заметки на тему «Пушкин и наша современность») / Е. Г. Эткин // Психопоэтика. – СПб. : Искусство – СПб, 2005. – С. 426-445.